

ФУТБОЛ И НАЦИОНАЛИЗМ: СОВЕТСКИЙ ОПЫТ (1960–1980-е ГОДЫ)

А. В. Марчуков

Институт российской истории РАН

Поступила в редакцию 12 мая 2022 г.

Аннотация: рассматривается связь между имевшими место в СССР в период 1960–1980-х гг. наиболее резонансными околофутбольными беспорядками и антиобщественными проявлениями, с одной стороны, и национализмом и антигосударственными выступлениями – с другой. Футбол оказывался катализатором националистических настроений и каналом, по которому они вырывались наружу. Большая доля ответственности за подогревание подобных околофутбольных настроений лежала на республиканских этноэлитах.

Ключевые слова: футбол, национализм, межэтнические отношения, СССР.

Abstract: the article examines the relationship between the most resonant near-football riots and antisocial manifestations that took place in the USSR during the 1960s – 1980s, on the one hand, and nationalism and anti-state demonstrations, on the other. Football turned out to be a catalyst for nationalist sentiments and a channel through which they broke out. A large share of the responsibility for fueling such near-football sentiments lay with the Republican ethno-elites.

Key words: football, nationalism, interethnic relations, USSR.

Спорт прочно вошел в жизнь человечества, а некоторые его виды пользуются огромной популярностью и оказывают влияние на сознание и поведение больших групп людей и даже на политику. Влияние это может быть благотворным – когда спорт дарит радость, вселяет социальный оптимизм, укрепляет дружбу и патриотизм. А может быть негативным – в том случае, если он не объединяет, а разъединяет, пробуждает низменные чувства и превращается в орудие политики.

Как область общественной жизни, сопряженная с массовым сознанием, спорт тесно связан с национальной сферой – самосознанием, межэтническими отношениями, национализмом. Спорт и его игровые виды, особенно футбол, вообще являются сублимацией войн, межгосударственного противостояния и межнациональных конфликтов, их психологическим «проживанием». И это нормально, если спорт воспринимается именно как состязание. Но бывает, что эта грань стирается, а в спорте видят лишь способ противостояния другим нациям и государствам.

Яркий пример симбиоза между спортом и национализмом являет Украина. Состязания между украинскими и российскими спортсменами частью ее граждан и властями рассматриваются как своеобразная война между Украиной и Россией. Эта тенденция развивалась по нарастающей с начала 1990-х гг. А среди болельщиков, прежде всего футбольных

фанатов, давно работают эмиссары украинских националистических организаций, прививая подросткам и молодежи националистическое мировоззрение, неонацизм и русофобию. При этом и те и другие подконтрольны украинским спецслужбам, т. е. государству, использующему националистическую идеологию и фанатский радикализм для достижения внешне- и внутривнутриполитических целей. Неслучайным итогом этой многолетней работы стало то, что фанаты (в частности, одесского «Черноморца» и харьковского «Металлиста») пополняли кадры украинских националистических группировок и вооруженных формирований, участвовавших в государственном перевороте 2014 г. и войне на Донбассе, и сами принимали в них активное участие [1, с. 20, 152, 158].

О том, что футбол, точнее, околофутбольные страсти, могут быть связаны с национализмом, антисоциальными и антигосударственными проявлениями, было ясно еще в брежневские времена. Но об этом предпочитали молчать. Признание того, что в советском обществе могут иметь место националистические проявления, тем более массового характера, да еще и связанные со спортом, для советского руководства было неприемлемо.

В основе политики партии в области национальных отношений лежали принципы интернационализма, дружбы народов и их постепенного сближения при одновременном расцвете всех национальных культур [2, с. 479–480, 487; 3, с. 103, 104, 315–317]. В таком русле развивалась и концепция «новой исторической общности» – советского народа. Ее оконча-

тельное сложение произошло в брежневский период: на XXIV съезде КПСС (1971 г.) было провозглашено о возникновении советского народа, а в принятой в 1977 г. новой Конституции СССР именно он объявлялся носителем власти [4, с. 100, 101; 5, с. 4].

Национализм же указывался в числе негативных явлений общественной жизни и сферы национальных отношений, с которым следовало вести непримиримую борьбу [6, с. 245, 248, 249, 253, 258]. Впрочем, в брежневский период предпочитали говорить не о национализме как таковом, а о националистических «пережитках», «предрассудках» и «рецидивах национализма», так как в развитом социалистическом обществе, как утверждало советское обществоведение и гласили официальные документы, для национализма уже не существовало социальной, политической и культурной почвы [7, л. 11; 8, с. 111].

На самом же деле эти «пережитки» были сильны, особенно в ряде национальных республик. Чаще всего националистические настроения существовали на бытовом уровне. Среди одних народов они были распространены в большей, среди других в меньшей степени. Это зависело от культурного облика народов, истории, социально-демографических условий. Националистические настроения могли воплощаться в нелегальных формах – образовании подпольных групп, изготовлении листовок, как в Армении, Прибалтике, Западной Украине, в инцидентах на межэтнической почве, как в ряде местностей Кавказа. Но в те годы такие формы были все же редки. Чаще эти настроения проступали в кадровой политике (в национальных регионах) и в виде этнофобий и противоречий между некоторыми народами, особенно представителями «титульных» наций, с одной стороны, и прочими, прежде всего, русскими – с другой. Как правило, они носили латентный характер, но порой прорывались наружу. И в этом случае нередко задействован оказывался спорт, особенно такой массовый и эмоционально насыщенный его вид, как футбол.

Не все околофутбольные страсти имели национальную составляющую даже в национальных регионах. Например, 30 октября 1970 г. беспорядки (с человеческими жертвами) произошли в грузинском Кутаиси после матча между местным «Торпедо» и ташкентским «Пахтакором»¹. На 90-й минуте игры судья удалил вратаря кутаисцев (Д. Д. Гогия) и назначил в их ворота одиннадцатиметровый удар. И хотя на результат (4 : 1 в пользу «Пахтакора») это решающего влияния не оказало, болельщики (на матче присутствовало 8 тысяч человек) учинили на стадионе погром и попытались добраться до судейской бригады. Сотрудникам МВД и внутренних войск

пришлось применять оружие, что и положило конец беспорядкам [9, с. 213, 265, 266].

Грузия отметилась еще одним громким околофутбольным инцидентом, тоже не имевшим заметной националистической составляющей. 23 июля 1977 г. беспорядки произошли в Тбилиси после матча между местным «Динамо» и ворошиловградской «Зарей». Игра закончилась со счетом 0 : 0, грузинские болельщики (на стадионе находилось 60 тысяч человек) выразили недовольство судейской бригадой, не назначившей пенальти в ворота гостей. Что примечательно, судьи (Р. З. Юшка, К. Ю. Андзюлис, И. П. Мулелис) представляли Литовскую ССР. Болельщики выбежали на поле, устроили драки, учинили на стадионе погром и сожгли два автомобиля. Успокаивать их пришлось находившемуся на матче Первому секретарю ЦК КП Грузии Э. А. Шеварднадзе [там же, с. 320–324].

Однако национальная составляющая в околофутбольных страстях присутствовала, особенно когда одна, а то и сразу две команды представляли республики с выраженной национальной спецификой. Тогда национальные чувства или амбиции (оценка зависела от позиции наблюдателя) проявлялись. Как правило, они не выходили за разумные рамки.

В качестве примера можно привести свидетельство В. Е. Семичастного, с августа 1959 по ноябрь 1961 г. занимавшего пост Второго секретаря ЦК Компартии Азербайджана, об ажиотаже, которым сопровождалась футбольные матчи между ереванским «Спартак» (в 1963 г. клуб стал называться «Арагат») и бакинским «Нефтяником» (с 1968 г. – «Нефтчи»). Для проживающих в Азербайджане армян приезд «своей», армянской, команды был событием, символическим актом поддержания общей национальной идентичности и связи с родиной – Арменией (хотя среди игроков бакинской команды тоже были армяне). А для властей республики и МВД эти матчи были сопряжены с нервотрепкой². «Я вынужден был давать команду автоинспекции, – писал Семичастный, – чтобы они на дорогах, начиная с границы с Арменией до самого Баку, устраивали в этот день усиленный досмотр автомобилей, идущих из Еревана, и, по моей просьбе, держали их подольше, до конца футбольного матча». Делалось это из-за того, что на

² В период пребывания Семичастного в АзССР эти команды встречались в Баку (в рамках чемпионата СССР, класс «Б») 19 сентября 1959 г. «Нефтяник» выиграл со счетом 1 : 0. В 1960–1961 гг., уже в рамках класса «А», команды не встречались. Возможно, он имел в виду и матчи между другими командами из Армении (ереванским «Наири», ленинканским «Шираком», кироваканским «Лори») и Азербайджана (бакинским «Спартак», кировабадским «Текстильщиком», сумгаитским «Темпом»), игравшими в классе «Б». Например, в Баку 7 мая 1961 г. в присутствии 20 тысяч зрителей играли местный «Спартак» и «Наири» (1 : 1).

¹ Здесь и далее календарь и статистические сведения матчей см.: URL: Footballfacts.ru и URL: Wildstat.Ru

стадионе вспыхивали драки между болельщиками этих команд (т. е. армянами и азербайджанцами), доказывавшими «на кулаках, кто лучше играет» [10, с. 185, 186]. Вне сомнения, зеркальная ситуация имела место в отношении игр, происходивших в Армении.

Отношения между двумя народами были напряженными. Давняя и взаимная этнофобия в те годы, о которых писал В. Семичастный, носила подспудный характер. Однако по мере происходивших в советском обществе социокультурных и демографических изменений она имела тенденцию к обострению. Любые действия, способные придать спортивному состязанию политическую и национальную составляющую, были способны спровоцировать межэтнический, а потенциально и межреспубликанский конфликт.

Впрочем, чаще всего страсти вращались вокруг футбола, не переходя в политическую и национальную плоскость. Но были, к сожалению, и иные примеры. Самыми тревожными стали события, случившиеся в апреле и сентябре 1969 г. в Узбекистане.

Детонатором послужили футбольные матчи между ташкентским «Пахтакором» и «русскими» командами: минским «Динамо» (игра состоялась 4 апреля) и московскими «Спартаком» и «Торпедо» (8 и 12 апреля соответственно). Перепадки на стадионе (а на матчах присутствовало 56, 32 и 20 тысяч зрителей соответственно) вылились в уличные беспорядки и всплеск русофобии. События повторились 27 сентября, поводом снова послужил футбольный матч, на сей раз между «Пахтакором» и «Крыльями Советов» из Куйбышева (Самары), на стадионе присутствовало 30 тысяч зрителей³.

Группы узбеков численностью по 100–200 человек нападали на русских девушек и женщин, срывали с них одежду, глумились над ними, насиловали, а мужчин зверски избивали. Отмечались и нападения на женщин-узбечек, одетых в «европейскую» одежду. В городе происходили драки между узбеками и русскими. Столкновения носили не спонтанный, а подготовленный характер, о чем свидетельствовали заранее изготовленные плакаты: «Самарские, убирайтесь домой!», «Бей русских!», с которыми узбеки являлись на стадион («самарскими» там часто называли русских вообще). В Ташкенте появились листовки антирусского содержания, причем в их распространении был замечен сын Первого секретаря ЦК Компартии Узбекистана Ш. Ш. Рашидов [9, с. 265; 11, с. 160].

Надо отметить, что численность русского населения в Ташкенте была высокой. В 1970 г. там проживало 564 584 русских, что составляло 40,8 % горо-

жан и делало их самой многочисленной этнической группой. Вместе с украинцами и белорусами количество славянского населения увеличивалось до 44,2 % (611 224 человека), а если к ним добавить ряд других народов, то доля «европейцев» оказывалась еще выше, тогда как узбеки составляли всего 37 % горожан (512 962 человека) [12, с. 218], да и среди игравших в те дни футболистов самого «Пахтакора» не узбеков было от шести до девяти человек!

Сотрудники МВД долгое время действовали вяло и даже потворствовали хулиганам, но в конечном счете при помощи внутренних войск беспорядки были пресечены, свыше 1000 человек арестовано. Власти республики поначалу делали вид, будто ничего не происходит, и мер не принимали, а потом постарались приложить все усилия, чтобы скрыть информацию о беспорядках, особенно об их национальной подоплеке, и представить все неким «бытовым» конфликтом хулиганствующей молодежи [13, с. 322].

Между тем околфутбольные беспорядки возникли не на пустом месте. В республике отмечался всплеск узбекского национализма. Выражался он не только в «затирании» неузбекских кадров, но и в оскорблениях, хулиганских и бандитских действиях в отношении неузбеков – русских, татар и приезжих из РСФСР вообще. Руководству страны поступала информация о том, что «националистические настроения и действия» получили в Узбекистане «особо взрывной характер». В Ташкенте, Самарканде, Коканде, Маргелане, Фергане были зафиксированы многочисленные случаи неприязненного отношения со стороны узбеков, прежде всего, молодежи, к «людям других национальностей, особенно к русским». В магазинах, парках, на транспорте их оскорбляли, призывали убираться в Россию, ставили им в вину то, что они объедают узбеков и живут на узбекской земле, угрожали физической расправой. Участились случаи публичных раздеваний и изнасилований русских женщин, драк между узбекской и русской молодежью [14, с. 374–376]⁴.

Сигналы о наличии в республике среди гуманитарной интеллигенции и руководства (в том числе в окружении Первого секретаря ЦК КП Узбекистана Ш. Р. Рашидова) националистических настроений, нарушений принципов интернационализма и взращивания ненависти к русским поступали и позже [11, с. 159, 160].

Другим регионом, где футбол послужил средством социальной мобилизации и каналом выплеска протестных политических и националистических настроений, стала Литовская ССР. 7 и 10 октября 1977 г. беспорядки состоялись в Вильнюсе. Причиной

³ Результаты игр таковы: «Пахтакор» – «Динамо» 0 : 1; «Пахтакор» – «Спартак» 1 : 2; «Пахтакор» – «Торпедо» 2 : 1; «Пахтакор» – «Крылья Советов» 0 : 0.

⁴ Приводятся выдержки из сводок, составленных Отделом пропаганды ЦК КПСС.

стало принятие новой Конституции СССР, а непосредственным поводом – победы местной команды «Жальгирис» над «русскими» клубами: витебской «Двиной» (3 : 0) и смоленской «Искрой» (2 : 1) (Вторая лига чемпионата СССР). Состоявшиеся после игр многотысячные шествия, в которых приняли участие не только болельщики, сопровождались выкриками: «Свободу Литве!», «Долой конституцию оккупантов!», «Русские, убирайтесь вон!», «Свободу политзаключенным!» и хулиганскими выходками. Но таких вопиющих крайностей, как в Узбекистане, здесь не отмечалось. 61 человек был задержан. Это был не первый раз, когда спортивные состязания становились поводом к антисоветским выступлениям и инцидентам. В 1960 г. в Каунасе беспорядки состоялись после турнира по боксу, в 1972 г. – в Вильнюсе в ходе волейбольного турнира, в 1975 г. – после футбола [15, с. 45, 46, 47].

В 1980 г. беспорядки не обошли и Эстонскую ССР. Поводом к ним стала отмена выступления музыкального коллектива (панк-группы) «Пропеллер», в текстах которого были обнаружены «националистические мотивы». Концерт должен был состояться 22 сентября в Таллине в перерыве и после футбольной игры, так что болельщики и поклонники «Пропеллера» составили одну радикальную массу.

Протестом против отмены концерта стало шествие к зданию Совета министров ЭССР. Были задержанные и арестованные, участников шествия начали исключать из школ и ПТУ. 1, 3, 7 и 8 октября прошли новые демонстрации, менее многочисленные – уже в защиту исключенных, а 10-го числа они состоялись в Пярну и Тарту. Проходили они под лозунгами «Русские – вон из Эстонии!», «Свободу Эстонии!». Демонстранты требовали и отставки министра образования Эстонской ССР Э. Р. Гречкиной: ее обвиняли в проведении «русификаторского курса» и в том, что она была русской (на самом деле она была обрусевшей эстонкой, урожденной Кренсман). Выступления были разогнаны милицией, помимо исключенных (около 100 человек), 20 человек было арестовано [13, с. 314; 16, с. 377, 378].

Советское руководство знало о наличии у «спорта № 1» неприглядных сторон, в том числе имеющих выход на общественное сознание и национальные отношения. «Ажиотаж вокруг футбола порождает местничество, а в ряде случаев и националистические настроения», – отмечалось в Записке Комитета партийного контроля при ЦК КПСС и Отдела пропаганды ЦК КПСС «О некоторых нездоровых явлениях в футболе и мерах по их устранению», появившейся не позднее 1 февраля 1972 г. В ней подчеркивалось, что поражение местных команд нередко «изображалось как удар по престижу республики или области», а вот «победа над командами РСФСР, и особенно москов-

скими, как особый успех». На иных матчах царила нездоровая обстановка, с трибун неслись оскорбления в адрес приезжих команд. Все это не способствовало не только торжеству спортивного духа, но и «интернациональному воспитанию спортсменов и населения». О сопровождавшем беспорядки в Узбекистане всплеске национализма в «Записке» не говорилось, хотя факт насильственных действий в отношении женщин (без указания национальности) упоминался. Ответственность за нагнетание нездоровых страстей и придание футболу национально-политического ореола возлагалась на средства массовой информации [9, с. 212, 213].

Впрочем, пресса, радио и телевидение являлись, скорее, передаточным пасом. Нездоровый ажиотаж вокруг футбола, превращение республиканских команд в один из символов местного патриотизма провоцировались политикой местных властей. Ведь победы повышали престиж республики и ее руководства. Но вслух об этом не говорилось.

Местничество, т. е. абсолютизация национально-республиканских и недооценка или игнорирование общесоюзных интересов, рассматривалось в СССР как серьезная проблема национальной сферы и явление «сродни национализму» [2, с. 488; 7, л. 21]. В числе проявлений местничества указывалось стремление получать больше ассигнований из государственного бюджета, а хозяйство развивать, исходя лишь из интересов республики; освещать ее успехи в отрыве от упоминания о вкладе в эти успехи всей страны; вести такую кадровую политику, при которой на руководящие и общественно значимые должности назначались преимущественно или исключительно представители «титовых» национальностей.

Местничество в спорте состояло в стремлении любыми средствами укрепить позиции своей команды. Даже такие явления, как взяточничество и попытки организации «договорных матчей», тоже имели на него выход. Так, перед упомянутой игрой между кутаисским «Торпедо» и «Пахтакором» судье Ю. И. Бочарову предлагали взятку за «нужное» судейство (в пользу грузинской команды), но он отказался. Не отставали и узбекские товарищи. По свидетельству руководства московского «Спартака» Э. Аминов (председатель Комитета по физической культуре и спорту при Совете министров Узбекской ССР) обещал «отблагодарить» тренеров и игроков «крупной суммой денег», если те согласятся сыграть с «Пахтакором» вничью. Он же вместе с заместителем председателя Совмина УзССР А. Р. Ходжаевым просил руководство автозавода «ЗиЛ» «посоветовать» тренеру «Торпедо» (клуб принадлежал заводу) согласиться на ничью с «Пахтакором» [9, с. 210, 211].

От местничества и гипертрофированного местного патриотизма было недалеко до национализма –

республики-то были национальными. В основе устройства СССР лежал национально-государственный принцип с его составляющей – политизацией этничности.

Один из примеров такого зреющего симбиоза являла Украинская ССР. Ее власти и лично Первый секретарь ЦК КПУ В. В. Щербицкий уделяли пристальное внимание выступлениям в чемпионате СССР главного футбольного клуба Украины – киевского «Динамо». Спортивное противостояние «Динамо» с московскими командами (прежде всего «Спартак») в 1960–1980-е гг. порой принимало вид «оппозиции» союзному Центру. Конечно, в случае с Украиной таких эксцессов, как в Узбекистане и Литве, тогда не было и в помине, но некоторая общая почва выражения республиканской «самости» и фронды против «Москвы», а также проявления националистических настроений имелись и тут.

Например, острую реакцию со стороны части украинских болельщиков вызывала любая критика команд из УССР, особенно «Динамо» (например, за селекционную политику) со стороны столичной прессы. В поступающих в адрес газет письмах журналисты и спортивные чиновники обвинялись в «великодержавном шовинизме», ненависти ко всему украинскому, попрании прав республик, подсуживании «московским клубам», «клевете на украинский футбол» [там же, с. 313, 314, 315]. Отметим, что с 1960 по 1991 г. «притесняемое» Москвой киевское «Динамо» становилось чемпионом СССР 13 раз.

Представления о «зажиме» украинского футбола являлись частным случаем представлений о «зажиме» Украины вообще: ее культуры, языка, экономики. На почве обостренно понимаемой некоторыми республиканской и национальной «самости» вызревали самостийнические настроения. Весьма точно их выразил Д. В. Скворцов, ныне православный журналист, а в юности украинский националист. «Мой “дембель” совпал с триумфальным возвращением на олимп советского и европейского футбола команды Лобановского, чуть ли не десятилетие несправедливо притеснявшегося союзной федерацией, – вспоминал он. – Еще через два года сборная СССР, сформированная на основе киевского “Динамо”, стала вице-чемпионом континента⁵. На торжественном открытии чемпионата во время прохождения наших футболистов играла “Калинка”, и я опять негодовал – почему не гопак?» [17].

И мало кто из рассуждавших подобным образом задумывался над тем, что команды из УССР и РСФСР были не «украинскими» и «русскими», а советскими, а состав «Динамо» и сборной был интернациональным. Для таких людей футбол оказывался связан с их

⁵ Сборная СССР стала серебряным призером чемпионата Европы в 1988 г.

психологическими комплексами и национализмом. А после распада СССР над увязыванием спорта и национализма стало работать украинское государство.

Государство советское с подобными явлениями боролось. Так, в принятом 14 февраля 1972 г. Постановлении Секретариата ЦК КПСС «О некоторых нездоровых явлениях в отдельных видах спорта и особенно в футболе» местничество и меценатство (т. е. чрезмерное материальное поощрение и содержание команд и отдельных игроков) признавались «нездоровыми и глубоко чуждыми советскому спорту явлениями». Их, как и раздувание страстей вокруг спорта, требовалось осудить. От органов власти, вплоть до Советов министров республик, ЦК ВЛКСМ, Комитета по физической культуре и спорту при Совете министров СССР, министерств обороны и внутренних дел СССР, требовалось «принять исчерпывающие меры по пресечению любых проявлений меценатства и местничества в спорте... решительно улучшить воспитательную работу среди спортсменов» и принять меры по укреплению моральных качеств и советского патриотизма [9, с. 214, 215, 216].

Но искоренить увязывание спорта с национальными и политическими факторами было трудно. Футбол являлся отражением имевшихся в определенной части общества настроений и эмоций, в том числе связанных с национальной сферой, служил удобным способом мобилизации масс и антисоциальных элементов, выступал катализатором и детонатором националистических, антирусских, антисоветских настроений и каналом, по которому эти настроения вырывались наружу.

Запалом служила молодежная среда. Ей свойственен демонстративный вызов обществу, радикализм, стремление поделить всех на «своих» и «чужих». Но молодежный протест, как и спорт, были лишь благоприятствующей средой. Причины же лежали в национальной плоскости. В одних случаях это были этнофобии и национальный антагонизм, особенно между нациями «местными» и «приезжими», в других – сепаратистские устремления, в третьих – непомерные амбиции.

Национализм часто принимал облик русофобии и был направлен против русских и русскоязычных людей. Объяснялось это не только фактом их проживания в той или иной республике. Важную роль играло то, что у «националов» русские зачастую ассоциировались с государством. Неприятие его политики переносилось на тех, кого считали представителями союзного Центра. Этнофобии сливались со стремлением к укреплению своих республик: их меньшей зависимости от Союза (Узбекистан, потенциально Украина) или независимости (Литва, Эстония). Неслучайно в Узбекистане были зафиксированы

и «причины», по которым там оказались негодны русские (помимо «простого» нежелания их видеть на «узбекской земле»). «Уходите, русские, в свою Россию, у нас есть свои специалисты и ученые», «сейчас у нас свои кадры, и мы можем без вас жить и работать» [14, с. 376].

Имеющиеся в республиках националистические настроения, с одной стороны, способствовали проявлению местнических тенденций среди их правящих этноэлит, а с другой – действиями этих этноэлит подпитывались. Последние исподволь, но настойчиво стремились к «национализации» республик: укреплению положения в них «титовых» наций как гарантии укрепления собственных позиций. Само наличие национальных республик служило почвой для подогревания националистических настроений. Идеология интернационализма и дружбы народов не могла конкурировать с национально-территориальным принципом устройства СССР, тем более, что в связке «национальное – интернациональное», лежавшей в основе советской идеологической и политической системы, на протяжении 1960–1980-х гг. крепились позиции именно «национального».

По мере шедших в советском обществе и государстве изменений и вступления в жизнь новых поколений нарастала тенденция к обострению межэтнических отношений. Футбол как массовая и эмоционально окрашенная общественная сфера оказывался связан с националистическими «пережитками», и его наделение функциями социальной и национальной мобилизации возрастало. Эта сторона «спорта № 1» оказалась востребована и в постсоветских республиках, где национализм стал государственной идеологией.

ЛИТЕРАТУРА

1. Кочетков А. В. Кровавые преступления бандеровской хунты / А. В. Кочетков. – М. : Книжный мир, 2015. – 352 с.

Институт российской истории РАН
Марчуков А. В., кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
E-mail: marchukov@mail.ru

2. Брежнев Л. И. Актуальные вопросы идеологической работы КПСС : в 2 т. Т. 1 / Л. И. Брежнев. – 2-е изд. – М. : Издательство политической литературы, 1979. – 591 с.

3. XXIII съезд КПСС. Стенографический отчет : в 2 т. Т. 1. – М. : Политиздат, 1966. – 640 с.

4. XXIV съезд КПСС. Стенографический отчет : в 2 т. Т. 1. – М. : Политиздат, 1971. – 592 с.

5. Конституция (Основной закон) СССР. – М. : Политиздат, 1977. – 62 с.

6. Программа КПСС. – М., 1961. – 144 с.

7. Российский государственный архив новейшей истории. – Ф. 81. – Оп. 1. – Д. 745.

8. Грошев И. И. Борьба партии против национализма / И. И. Грошев. – М. : Политиздат, 1974. – 127 с.

9. Игра миллионов под партийным контролем : советский футбол по документам ЦК КПС / под ред. Н. Г. Томиной и М. Ю. Прозуменщикова. – М. : Международный фонд «Демократия», 2017. – 779 с.

10. Семичастный В. Е. Спецслужбы СССР в тайной войне / В. Е. Семичастный. – М. : Алгоритм, 2016. – 494 с.

11. Мясков А. П. Межнациональные отношения в СССР (1945–1985 годы) : от общей Победы к кризису межэтнического доверия / А. П. Мясков. – Саратов : Издательство Саратовского университета, 2017. – 195 с.

12. Итоги Всесоюзной переписи населения 1970 года : в 7 т. Т. IV. Национальный состав населения СССР, союзных и автономных республик, краев, областей и национальных округов. – М. : Статистика, 1973. – 648 с.

13. Бобков Ф. Д. КГБ и власть / Ф. Д. Бобков. – М. : Ветеран МП, 1995. – 379 с.

14. Яковлев А. Н. Омут памяти / А. Н. Яковлев. – М. : Вагриус, 2001. – 604 с.

15. Алексеева Л. М. История инакомыслия в СССР. Новейший период / Л. М. Алексеева. – М. : Зацепя, 2001. – 382 с.

16. Вести из СССР. Права человека : сборник : в 2 т. Т. 1 (1978–1981). – Мюнхен : [Б. и.], 1989. – № 20. – 674 с.

17. Скворцов Д. Исповедь интегрального националиста / Д. Скворцов. – URL: <http://zavtra.ru>

Institute of Russian History of the Russian Academy of Sciences
Marchukov A. V., Candidate of Historical Sciences,
Senior Researcher
E-mail: marchukov@mail.ru